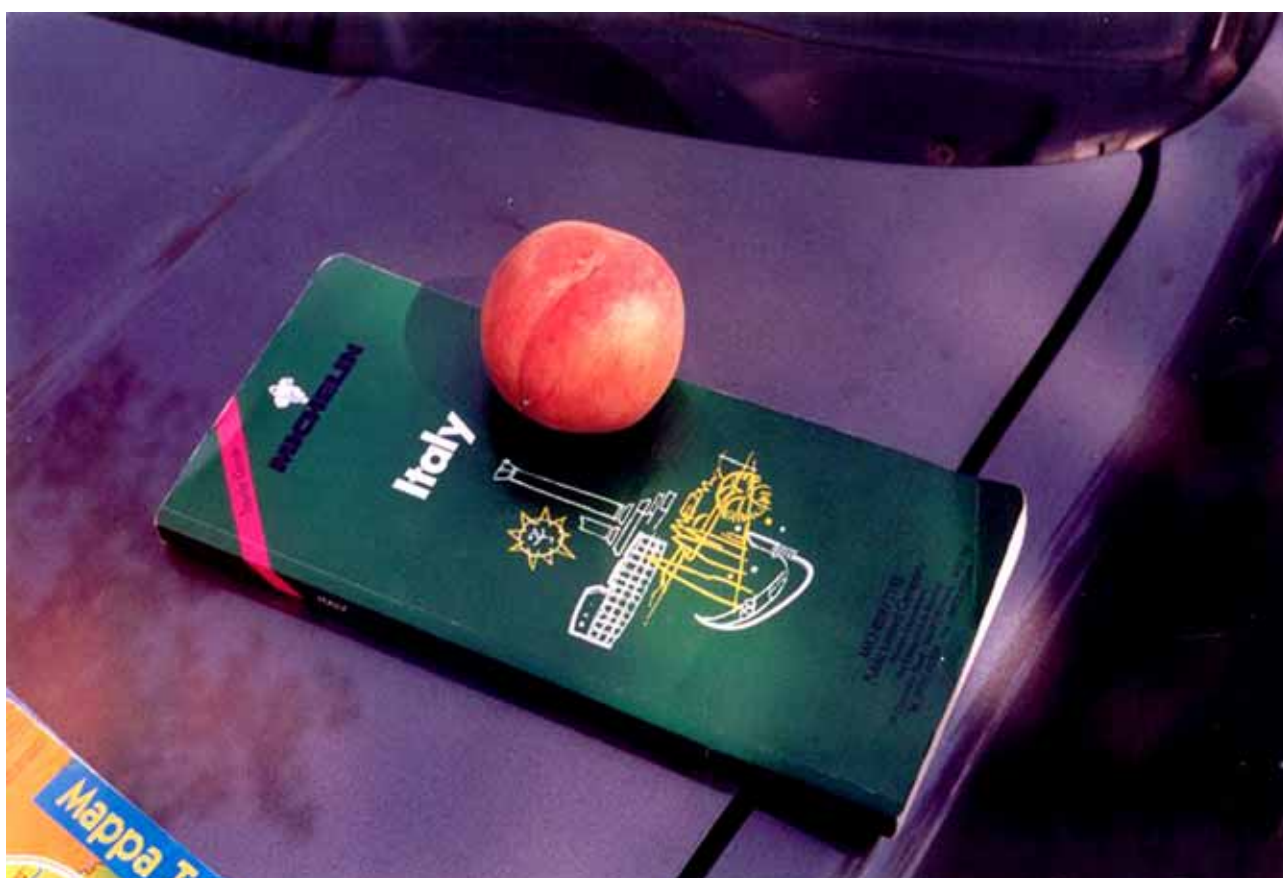


Евгений Плоткин



Миражи Европы: Италия - Германия





ITALY

МИРАЖИ ЕВРОПЫ: ИТАЛИЯ – ГЕРМАНИЯ

Сегодня я ехал в машине, слушая Галича. Есть у него страшной силы "Баллада о вечном огне": "Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка", – это о гетто и о Польше, – "тум-балалайка, шпил балалайка", – встают химеры военных дней, – "тум-балалайка, шпил балалайка, рвется и плачет сердце мое..." – звучит, соединяя несоединимое, тяжелый голос Галича. А потом: "Маки, маки на Монте-Кассино, ах, как вы почернели, маки!" Я **никогда** не чувствовал смысла этой фразы.

И вот – мы были в Монте-Кассино, видели польское кладбище в центре Италии, странный тяжелый бенедиктинский монастырь на горе и маки по обочинам дорог. Призрачный мир наполнялся реальностью – удивительно и немного пугающе. Точно так же "Итальянские стихи" Блока или пейзажи Брюллова: мы жили с ними, но никогда не знали, а как это все на самом деле...

Как всегда, возвращаясь домой после поездок, стараешься представить всю картину увиденного и, цепляясь к наиболее ярким кусочкам, составить всю мозаику. Безнадежное занятие! Прошлое уже в дымке, и лишь зыбкий ряд реминисценций освещает воспоминания... Вот несколько слепков.



Раннее утро, Бавария. Туман, застревающая в ложбинах, стремится на волю, щекоча брюхо флегматичным лошадям. Выше тумана – шесты, по ним вьется хмель... Лиана как лиана, но...

*"Я ошибся, кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну, так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелим"...*

Пастораль, идиллия. Через три километра на шоссе надпись: "Дахау – 12 км"...

"Белокурая ведьма жила возле Рейна..." Сам Рейн от Бингена до Бонна мощный, холеный и романтический. По склонам угнездились виноградники – тоже холеные, аккуратные и немного театральные. Все чисто и упорядоченно до фотографического совершенства. Но красиво... И дышится хорошо: много, очень много привычной гармонии в природе. Вот и романтический пейзаж а-ля Фридрихс – полчища диковатого вида строений на прибрежных кручах. Замки эти уже давно утилизированы и возложены на алтарь туристского бизнеса, их средневековые камни скреплены цементом, но все же... "Белокурая ведьма жила возле Рейна... и звалась Лорелея"...



Мюнхен. Сюда все приезжают: самые дешевые машины в аренду, самое прекрасное расположение: Бавария, Австрия, Шварцвальд, Швейцария – все рядом, две Пинакотекки, и,

что важнее всех Голбейнов и Кранахов – самое лучшее пиво. Кстати, многие действительно любят пиво. Я встречал человека – ей пиво добавляет столько блеска в глазах, что надо надевать темные очки. Это счастье. И она не одинока.



Я не люблю пива. Не зря на испанском пиво – "сервеско", т.е. то, что пьют сервы – простолюдины, бывшие рабы. Горькое оно, и послевкусие от него горькое, как наша жизнь. Другое дело – лимонад...

Это, конечно, шутка – или, скорее, ее доля. В Мюнхене все ходят в пивные. По двум причинам. Во-первых, выпить пива, а во-вторых – посмотреть на то, как смачно пьют остальные. Дело хорошее, но в исторической ретроспективе не всегда безобидное. Помнится, в Биергартене как раз начался пивной путч Гитлера. Выпили пива, разогрелись, расслабились... и пошло-поехало...

Мы в Биергартене. Шум, свет, много веселых людей, в основном – аборигены и японцы, но попадают и другие, пахнет пивом – да вот и оно, по 12 литровых кружек в руках местных официантов, потных и красноморденок, но очень ловких. Главное же – дух, аура, образ... – блестяще играет полудуховой оркестр: музыканты в тирольских шапочках, кожаных штанах, красные как... зад гама-

дрила (интересно, какое у них верхнее давление?..), играют что-то знакомое, не Бетховен – это точно – "ай лю, ай ля, ай лю, ай лю, ай ля...", блин, почему так весело при этом, ведь помнятся (а почему, собственно, помнятся – я ведь еще не родился...) – помнятся именно такие веселые марши в другие времена, полвека, в сущности, прошло...

Неужели мы так и будем помнить – ведь эти музыканты ни в чем не виноваты, они замечательные, и музыка совсем даже... и здорово – вот посмотрите – все взяли за руки – все человек двести – и музыка, и ритм – ай лю, ай ля – и пиво, все пьют, поют, качаясь в такт...

Какое счастье воспринимать только то, что видишь: хорошее – это хорошо, а плохое – похуже, не уносясь ни в какие дали...



10 часов вечера. Мы свалились с гор в Зальцбург, пахнувшие месячной поездкой по Италии, свалились прямо с нашим домом – "Фордом Мондео", а дом – он и есть дом, там и кухня, и холодильник, и спальня, и концертный зал.

Вот именно к концертному залу мы и подкатили. Главный зал Зальцбурга в главный (или не самый главный) день Моцартовского фестиваля принимал мужские батальоны фраков и женские роты вечерних туалетов. Шли их обладатели стройными рядами, деловито и сосредоточенно, так, что военная терминология как нельзя кстати подходила к приюту моцартовских муз. Не знаю, вернее, не помню, что они там слушали – ясно, что ни 40-ю, ни 41-ю симфонию там не играют – это для людей попроще, вроде нас – а исполняют какие-то "К" с диковатыми номерами – для настоящих эстетов. В общем, парарам-парарам-парара – тут мы и подвалили в своей кирзе, дерюге и шортах на босу ногу.

Не пойму, откуда такое чувство – как нюхаю сладкое обаяние буржуазии, так становлюсь марксистом со склонностью к анархии, хотя вроде бы – ни сном, ни духом, это что-то атавистическое, как копчик или как ослиные уши. Может, русско-израильский генетичес-

кий социализм бурлит и баламутит, или просто фрак напоминает униформу, униформа – армию, а если армия – то какой уж там Моцарт, разве что «Реквием»!..

Машина наша, Форд Мондео, была по благородству происхождения как раз в стиле вечерних туалетов любителей Моцарта, так что – подъезжаем мы прямо к центральному входу-выходу, и швейцар так ласково машине улыбается... но потом вдруг меня заметил – а я уже не брился к этому времени месяц, да и дорога через перевал и дождь была трудная, да и проголодался... В общем, засосало, видно, у швейцара под ложечкой, дверь открывать не стал – но и полицию не вызвал, а ведь рядом стояли... Вот что значит воспитание, дрессировка – понял, что имеет дело с приличным человеком космополитической националь-



ности, которому временно не до Моцарта.

Надо будет в следующий раз во фраке напрокат приехать, посмотреть на этот паноптикум изнутри.

Соляной же город был, как всегда, на высоте – барокко над рекой, музыка, ликеры, кофе, конфеты, респектабельность. Никаких Сальери не наблюдалось...

Билефелд – город не туристский, там Университет, потому мы там и оказались. Стоит он в Тевтобургском лесу, где взопрело национальное сознание немецкого народа и древние "тевтоны" показали кузькину мать древним римлянам.

В эту честь под Детмольдом (это рядом, а еще рядом Хаммельн, где Крысолов увел под дудочку детей из города – зря, лучше бы увел, как поется в известной песне, всякую сволочь), так вот, под Детмольдом стоит в честь этого события памятник: здоровенный детина с еще более здоровенным мечом в правой (или левой – может, он левша) руке.

Местный народ говорит, что палаш этот такой тяжелый, что ночью, пока никто не видит, детина перекладывает меч из одной руки в другую, дабы немного отдохнуть без ущерба для самосознания воздвигшего его народа.

Сколько я уже видел таких памятников – с мечом, без меча, на коне, просто в кепке с протянутой рукой – самосознание все растет и крепчает, разуму за ним не угнаться, разум – как народ, всегда в поле... Пик самосознания лучше пережить издали – пока не полегчает.

Но это все – Германия, Австрия, а мы в этот раз в них, в сущности, не были, они просто случились по дороге в Италию и из Италии. А вот сама Италия – это совсем другое дело...

Помнится, в "Физики шутят" была такая инструкция: "Не пиши длинно – диссертация не "Война и мир", а ты – не Лев Толстой; не пиши коротко – это свидетельствует либо о гениальности, либо о скудости ума – ни того, ни другого тебе не простят". Так как золотой середины не существует, то отсюда напрашивается самый простой вывод... И тем не менее, тем не менее, мне кажется, что, увидев всю эту итальянскую фантазмагорию, не рассказать о ней – глупость.



Рим. В Риме нам все на этот раз удавалось. Вот такое везение – успели его посмотреть и не окочуриться от невыносимой жары, переизбытка эмоций и недостатка холодного питья.

Ватиканские музеи так насыщены, что после них чувствуешь усталость в ногах и затылке. Страшный суд в Сикстинской капелле не закрыт на реставрацию, и могучий Христос исправно требует: пойдешь, перечитай, как минимум, "Муки и радости", а лучше бы и все остальное – чтобы вспомнить, а если повезет – понять... Очень хочется снова стать студентом – и помнить все, что забылось сейчас, а сейчас остались только чувства, и чувство – почему я сейчас не тот, может мудрости прибавилось, не знаю, может еще чего-то; так ведь закон сохранения все равно работает, убавилось тогда – страшно подумать...



Но Ватикан – уже хорошо знаком, как, пожалуй, и многое другое в Риме. А вот к античности, к римскому гигантизму невозможно привыкнуть. Рим – не совсем итальянский город, *in a sense*: он не очаровывает средневековым, не заманивает лабиринтами узких улиц, не усыпляет звенящей тишиной сиесты – он подавляет своим прошлым. Напряжение античности чувствуется всюду. Можно прийти к колонне Траяна, присмотреться к ее рельефам, и вспомнить, походя, детство, фильм "Даки", бой барабанов, блеск легионов... Затем подняться на Капитолий к волчице, к Марку Аврелию, увидеть два

форума, арку Тита и храм Диоскуров – одуреть от этого, спуститься вниз на собственно Императорский Форум, зайти в базилику Константина и Максенция – и подумать: вот это объем, при такой простоте форм – кто же это строил-то; затем уже – Колизей, и после этого – к арке Константина и к императорским дворцам на Палатин.

Здесь надо отдохнуть, так как наступает медленное обалдевание. Это не Пирамиды и не Долина Царей в Египте, но ощущение ушедшей культуры, целого мира, философии и социума – очень сильное. Шок и усталость отступают, и можно пойти по Аппиевой дороге, к катакомбам, к мавзолею Цецилии Метеллы – мимо пиний, мимо городских ворот, посмотреть на все это угрюмое величие чуть-чуть прикрытыми глазами и постараться представить, что же здесь было. В принципе, желательно взять Императорский Рим в лицах – не надо Моммзена, достаточно чего-то попроще, но с римскими байками, чтобы наполнить жизнью эту картину.



Потом надо возвратиться к термам Каракаллы и, дойдя до цирка Масима, посмотреть на Палатин на закате. Взять сыра, вина, дыню, смотреть без суеты, до последних лучей солнца, и вот тогда – внимание – зажгутся прожектора и все, в который уже раз, изменит свой лик.

Баста! Если вы при этом не ощутили дыхание прошлого, то, как говорит мудрый рижский еврей Алик Гильман, вы зря потратили ваше время, и мне вас не жаль.

Умбрия с Тосканой. Я раньше думал, что вот Тоскана – это да, это самое-самое, эти леса, горы, замки, вина... Так вот, Умбрия во много раз круче. Умбрия – это да!.. Это самое, самое – леса, горы, замки, вина...

Впрочем, иногда отличить, где Умбрия, а где Тоскана, просто невозможно. В Сиене (Тоскана) мы попали на праздник Палио. Если уж смотреть что-то особенное в Тоскане, то как раз эти средневековые скачки и сопутствующую пьянку. Я помню, клуб киноподорожни-

ков давал как-то, лет 12 назад, сюжет о Палио. И журнал любимый – "Вокруг света", тоже писал о Палио. Звучало это примерно как "карнавал на Марсе". И вот мы на Марсе. Пахнет навозом, все возбуждены, кругом идет костюмированный бал, лошади и наездники молятся



в бело-зеленом Сиенском соборе, каждый своим богам. Непередаваемое амбре расплзается по узким улочкам, сгущаясь к усыпанной песком центральной площади Дель Кампо. Потееют все – зрители, участники, лошади, даже, по-моему, птицы. Жарко, как в бане, тесно, как в курятнике перед кормушкой. Все время чувствуешь локоть и другие липкие части тела собрата по туризму. Это бодрит до поры, пока на арене не появляются взмыленные герольды, трубадуры и лошади в цветах средневековых кварталов –

контрад. Красиво необычайно, но очень жарко и хочется пить. По традиции знаменосцы соревнуются в ловкости – часа 3-4 подряд. О-о-очень долго! Народ не падает, так как просто некуда упасть. Но если уж приехал в Сиену 16-го августа, то надо получать удовольствие до конца...

А вот Умбрия... Лучше всего смотреть на нее из Ассизи. Или Губбио. Или Сполето. Или просто из окна машины. Пейзажи не такие мягкие, как в Тоскане, много кремневых травертиновых городков, похожих на конусы крем-брюле среди буйной желтизны подсолнухов. Их поля обрамляют дороги, и склоненные к вечеру могучие соцветья навевают мысли о монахах, смирении, вечерней молитве. Но придет утро... Утром Умбрия устремляется вверх, к небу, к горам. Горы довольно высокие и – свет, море света!



Ассизи с фресками Джотто и собором святого Франциска, видимо, сильно разрушен недавним землетрясением. Во всяком случае, все, что можно закрыть, закрыто. Но все равно, ходишь по нему – как книгу листаешь. Книга, конечно, для каждого своя. Для меня это итальянские дневники Корина. В ее золотом обресе всегда было спрятано итальянское солнце. И вот книга открылась...

Мы остановились в католическом кемпинге за воротами города. Дешево, чисто, ситуативно.

*Вот прекрасная оценка
Наших бедствий на бегу:
Католическая церковь
На высоком берегу.*

*Что ни баба – то промашка,
Что ни камень – то скала.
Видно, чёрная монашка
Мне дорогу перешла.*



Романтических монашек в кемпинге не было – монахи сплошь, суетятся, бегают по хозяйственным делам, живенькие, упитанные и очень земные.

В шесть утра наиболее беспокойные поехали на вершину горы Субазлио, мимо пантеона святого Франциска. Вершина плоская, вся в травах, блестящих капельками росы. Кажется, что все кузнечиковое население Умбрии собралось здесь в это утро – стрекот, мелькание подмоченных росой крыльев и красно-рыжих брюшек. Вокруг видны холмы, виноградники и соборы, над которыми витает свободный дух Ренессанса. Но идиллия – всего лишь одно из многих лиц правды: в трех километрах вниз по склону в сумрачном лесу находится санктуарий и крипта Франциска. Живо представляется, как свободный дух долетает до этого места, переодевается в коричневые монашеские одежды, убирает кисти, краски, любовную лирику, складывает крылья – и начинает укрощать свою бесплотную плоть. “Аривидерчи”, кузнечики Субазлио...

Терракотовый Губбио – этот стоит обедни прямо сейчас. Единственное, чем он уступает Ассизи – в нем не жил святой Франциск и не работал Джотто. Зато аура... По городу продают яркие керамические подсолнухи. Солнце сплит, отражаясь от их желтых боков. Рядом развешаны медные петухи и прялки. Пахнет сыром, нагретым камнем и летней расслабленностью. От Дуомо открывается прекрасный вид на равнину. Раздается бой колоколов – над Умбрией полдень.



В Сан Лео уморили Калиостро. Маг был посажен в темницу с окнами на церковь, чтобы легче было ему каяться и заботиться о душе. Великие все же гуманисты жили в Италии. Вот Кампанеллу посадили на кол, а он очухался и написал "Город Солнца". У нас во все времена было как-то проще.

В Сан Лео до сих пор бродит призрак Калиостро, в харчевне продается изготовленный им же эликсир жизни, а за отдельную плату можно прикупить два-три философских камня.

В Урбино родился Рафаэль. Все там очень просто – заходишь под арку, узкая улица ведет к широкой площади, за которой на возвышении – герцогский дворец, Палаццо Дукале. По дороге – дом, где родился Рафаэль, гений. Ощущение прикосновения истории всегда очень личное. Почему-то у дома Моцарта стоишь без трепета – я стоял без трепета. А в Урбино что-то екает неосознанное где-то в районе третьего глаза. Было бы у нас третье ухо – может, екало бы и в Зальцбурге.

Помимо Рафаэля и герцогского дворца, в Урбино проходят лягушачьи гонки: 16 мужиков таскают 16 тележек с лягушками по городу. Но это на Пасху, когда лягушки молодые и активные. А в августе они болеют...

В Сполетто мы приехали вечером. Жаль, конечно, но ничего. Попугали парочки напротив акведука, походили по улочкам. Есть у Блока такое стихотворение – "Девушка из Сполетто". Девушки были в ассортименте, но Сполетто все равно лучше.

Орвието – это собор, собор, собор!!! – и вид на город. Собор просто оглушает, он красивее всех, за исключением, быть может, Миланского. А капелла внутри – Фра Анжелико, Бенито Гоццолли, Синьорелли – похожа на цветок в каменной оправе.



Под Орвието мы остановились в кемпинге на берегу озера и поймали трех карасо – это, по-видимому, сазаны местные. Утром я пошел к воде с удочкой, а там все плещется, похрюкивает, шевелится – чувствует, что есть жизнь в этих водах. Кинул спиннинг – что-то большое выпрыгнуло из воды и плюхнулось вдали. Рядом появился мужик в кепке, пиджаке времен лучших дней и с одной закатанной штаниной. Он посмотрел на круги на воде и сказал с чувством: "Карассо". Я улыбнулся широкой русской улыбкой и сказал: "Карассо!" Итальянец понял, что есть контакт двух рыбацких душ, закурил, посмотрел на очередной всплеск и сказал: "Карассо!!!" Потом помолчал и добавил: "Салто!!!" "Грандиозо!!!" – сказал я, вспомнив про "уно, уно, ун моменто, сантименто-досиденто". Рыбак в ответ предложил сигарету, с сомнением посмотрел на мою кукурузную банку и покачал головой. Мы оба поцокали языками, посидели,

глядя на воду, и помолчали вместе за нашу жизнь. Потом он достал кучу роскошных опарышей из любовно пересыпанного стружкой деревянного ящика. Так и должен выглядеть акт доброй воли! Местные опарыши были насажены вместо "не помнящей родства" кукурузы – и тут как поперло! Вот что значит патриотизм, а говорят – рыбы холодные и бездушные. Пора было уходить, я прижал руки к тому месту, под которым, надеюсь, у всех на свете одно и то же, и сказал: "Грация, синьор..." "Пронто", – улыбнулся он и снова закурил.

Там же, в Умбрии, под Тоди, мы впервые попробовали горячих итальянских персиков. Вообще-то, я помнил, что в солнечной Италии произрастают в изобилии дары юга. Брюллов, Сильвестр Щедрин, прочие академики – они как раз такую натуру любили. Вакханки, пейзажки, нимфанки... лет 16-17, глаза карие, волосы смоляные – выются, зубки, губки – мечта, на шейке – жемчужина, блузка белоснежная, слегка расстегнута в правильном месте, перси – персики, в руке гроздь винограда. Но это – теория, а теория без практики... Увидев на очередном умбрийском проселке надпись "Agriturismo", мы поняли – это оно!

Свернули, едем, красиво – очень, но грустно и меланхолично, вот уже и рощи грецких орехов пошли, асфальт шуршит поворотами, пастораль сменяется пасторалью, но жизни – никакой. Вот в Карелии, осенью, на глухом проселке, куда не всякий трактор доползет, среди комаров и болот вдруг встретилась ядреная венециановская девушка – идет, бедрами покачивает, блузка расстегнута, как будто вокруг Италия, в руках корзинка грибов килограмм на 15, покачивает ею в такт бедрам, поет чего-то... А тут такая благодать – и никого. С другой стороны, время около полудня – сиеста. А какая сиеста в Карелии?..



Появились сады – спелые сливы, персики, виноград. Воровать, конечно, не хорошо, но бороться с искушением трудно, опять же – сиеста... да и не воровство это – "agriturismo".



Итальянские персики невероятно эротичны и отличаются от того, что продается в Питере у метро, как Бабель от Бебеля. У метро все понятно: заплатил-помылся-съел. Или не помыл, а съел. Потом поплохело, но это – потом. Это не эротика, это полноценный процесс, проза жизни. В сельской Италии все иначе, за исключением того, что в конце все равно будет худо от переизбытка удовольствия. Но в остальном...

Ветви деревьев прогнулись под тяжестью плодов. Раз все вакханки спят по хатам, то нужно самому недрогнувшей рукой придвинуть ветку к лицу. Волна тягучего аромата медленно обволакивает все обонятельные центры, проникая аж до пупа. Настоящие эстеты могут ветку отодвинуть и снова придвинуть, отодвинуть – придвинуть... Тонкая штука. Приходит время, и даже самому закоренелому цинику хочется сладко потянуться, томно изогнув спину. Будьте внимательны, вам уже не 16 лет – возможны варианты... Берешь персик в руку, а он круглый, шершавый и теплый-теплый. Надкусить? Ну, это уж слишком! Пусть растет, все-таки агритуризм – дело деликатное...

Умбрия граничит с Тосканой и Лацио. Есть на границе такой городок – Орте. Все, кто едут по шоссе Рим-Флоренция, его могут увидеть. Ни в одном путеводителе он не отмечен даже паршивой звездочкой. А жаль: если представлять средневековье, не нужно никаких декораций, просто смотрите издали на этот городок на скале.

Холмы в Умбрии поросли крепостями – Амелия, Басчи, Ареццо, да и Перуджиа. Но есть среди них (или это уже Тоскана?) один замечательный городок-крепость – Баньореджио. Это недалеко от Орвието. Видимо, там лессовые почвы, эрозия, выветривание, тяжелое геологическое прошлое и скудное настоящее. И вот посреди эрозионных цирков выжило неведомо чьими молитвами село – не село, крепость – не крепость, рудимент, законсервированный осколок прошлого – городок Баньореджио. Осенью, когда туманы заполняют всю низину, этот утес и все, что на нем, парит над волнами тумана, подобно миражу. А может, это, в сущности, и был мираж, несмотря на два часа ходьбы по его трем с половиной кривым улочкам.



Попали же мы туда почти случайно. На дороге в Витербо (о, этот город стоит многого), так вот, на этой дороге есть городок Монтефиасконе. Мы туда заехали, соблазнившись вином "Est! Est! Est!" – а точнее, сопутствующей байкой. Говорят, некий папский прелат так полюбил местное вино, что помер с перепоя, и вино с тех пор зовется "Est! Est! Est!", что соответствует высшему качеству. На самом деле прелат выслал вперед квартирьера, чтобы тот прояснил качество местных вин и доложил начальству. Если вино было стоящее, то квартирьер слал курьера с запиской: "Est!", ну а из Монтефиасконе прелат получил три "Est!" подряд. Возбужден, обожрался и помер. Душераздирающая история...

Вино мы купили – ничего себе, портвейнчик, не Массандра, но и не 777... Случайно некий гостеприимный итальянец завел нас в свой подвал (о, прохлада!!!) и, выпив вина, сказал: а поезжайте-ка, ребята, в Баньореджио... Как он был прав!

Вообще, вино располагает к беседе даже при отсутствии межнационального языка или, как теперь говорят, языка межнационального общения. Вот, скажем, латвийский парла-

мент принимает очередное судьбоносное решение о том, что можно писать по-русски, а что – низзя. Например, на заборе емкое слово из трех букв писать можно, а в название улицы его вставлять уже нельзя. Вернее, можно, но только по-латышски, с добавлением "с" на конце, чтобы не перепутать, не дай Бог, кошерный национальный член с аналогичным местом у мигрантов и оккупантов... Помнится, еще товарищ Сталин любил заниматься вопросами языкознания. Во Франции Д'Артаньяны от франкофилии в своем петушином раже похожи на детей у Голдинга. И в Израиле я точно таких же "лингвистов" встречал. А все дело в том, что общаются всухую, это еще Венечка Ерофеев подметил. Вот если бы Каберне принять, ну хоть по стаканчику, перед тем, как выйти на тропу войны за чистоту языка, так наверняка тропа покорооче бы легла... а если портвейном усугубить, так глядишь – вообще бы полегчало неимоверно, можно было бы тропу закрыть на вечный капремонт.



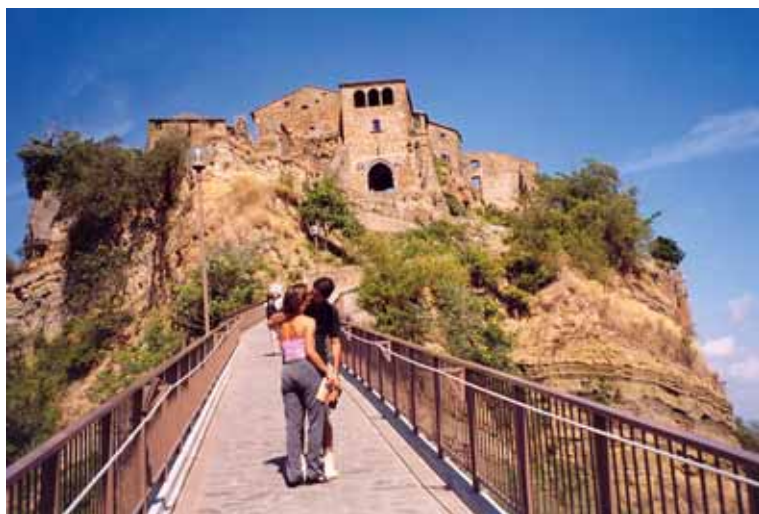
Но это я отвлекся. Просто мы ходили, как неприкаянные, по этому Монтефиасконе, жарко, сиеста, все закрыто, ни вина "Est! Est! Est!", ни прелата, ни кайфа, городок сонный, лежит и покачивается на волнах своего прошлого. Честь итальянской нации спасла открытая дверь в подвал. Оттуда доносился смех и слышался звон бокалов. Ресторан? Ничего подобного – семейный выпивон. Заходим, мяукаем на ломаном английском, что вино

ищем, "Est! Est! Est!", а все закрыто, и нет указателей, и что может сеньор посоветовать? А сеньор к тому времени уже в прекрасном настроении, и на свободном английском говорит: "Ни фи́га, you guys, в этом городе не купите, вина нет давно, одни подделки для туристов". С этими словами берет Пьетро пластиковые стаканы и наливает всем из сосуда. Выпили, белым хлебом закусили. Пьетро говорит: "Ну, а это – как?" А как может быть, если тебе наливают от души, да еще из кувшина, да с хлебом!.. "Great", – говорю, а сам думаю об оставшихся на улице пятерых из нашей команды. Это как в анекдоте – "евреи приходят в гости с мамой, а уходят с тортом"... Что я, не еврей? а вино хуже торта? Пьетро возбудился и зовет в подвал, этажом ниже. Спускаемся по ступеням и чувствуем, что здесь, как и в пещерах, свой особый мир и климат. Прохладно, немного сыро и пахнет винным камнем. В стенку вделана огромная бочка с краником. Смутно начинаешь понимать, как именно закончил свои дни папский прелат... Пьетро смеется, он тоже хорошо знает эту историю и говорит, что, наверное, этой бочке как раз

столько лет, что, несомненно, это – та самая бочка, на ней и сертификат есть: "Я, папский прелат, упился до смерти именно здесь, и всем другим рекомендую...". Мы посмеялись, выпили – неплохо получилось – и Таня твердой рукой наливает еще несколько стаканов. "Это для друзей наверху", – говорит она, и Пьетро опять смеется. В итальянской провинции итальянец, говорящий на английском, так же редок, как англичанин, говорящий по-итальянски. После портвейна мы бы, конечно, все равно разговорились, но портвейн и английский все же гораздо удобнее для беседы, чем просто портвейн. "Откуда вы?" – задает Пьетро стандартный вопрос, и в очередной раз он ставит в тупик. "Из России", – говорим, и звучит это примерно так же, как "мы из Камелота". География мысли и души – сложная наука, ее так вдруг не объяснишь, но то ли "Est! Est! Est!" помогло, то ли просто повезло, но, кажется, Пьетро понял. "Quo vadis?" – по-библейски продолжает Пьетро, и я отвечаю вопросом на вопрос в библейском еврейском стиле: "А куда посоветуете?" Вот тут и всплывает Баньореджио. Пьетро пытается объяс-



нить, что это – мертвые земли, что их скоро не будет, что надо спешить, поскольку красота там невероятная, а туристов немного. Вот мы и поехали туда – благодаря Пьетро, сладкому вину "Est! Est! Est!", языку, и просто мановению легкого крыла фортуны.



В Баньореджио можно попасть только по длинному мосту, идущему снизу вверх. На мосту самозабвенно целуется парочка. Это хороший знак, хотя и завидно немножко. На самом деле мост скорее фиксирует пропасть, отделяющую Баньореджио от всей остальной вселенной, чем соединяет два мира и два времени. Поднимаемся к стенам деревни – и одновременно отделяемся от нашего "сегодня", оставшегося внизу в переплетении оврагов и тополиных рожиц. Наверху встречают узкие улочки, дворики, старые дома – ничего особенного, кроме красоты, правдивости и ощущения того, что все вокруг – настоящее.

Флоренция... Ее образ расплескан по миру океаном слов. Но именно во Флоренции случилась в этот раз полное солнечное затмение. Мы спокойно сидели в интернет-кафе недалеко от Санта Мариа Дел Фиоре. Вдруг на всех компьютерах появилось: "Happy hour" – и народ повалил на площадь, надевая на ходу темные очки.

Недоумеая, мы вышли на улицу и сразу ощутили тревогу, витающую в воздухе. Там творилось что-то невероятное. Солнце, светя каким-то глухим светом, зависло над стремительными формами кампаниллы Джотто. Тени поползли по колокольне, вскарабкались по куполу – и гигантский собор Брунелески стал похож на полуспущенный воздушный шарик. На глазах он начал скукоживаться и оплывать свечой. Казалось, что гигантский насос выкачивает воздух и в образующемся вакууме шевелятся образы каприччос. Люди стояли, напряженно задрав головы вверх, как перед приходом Мессии. Вверху, забыв про классические законы перспективы, сходились острыми углами ренессансные шпили, оставляя свободным лоскут неба для огрызка того, что еще недавно было солнцем. Прямоугольный мир Леонардо и Рафаэля сменялся гиперболическими видениями Фалька и Лентулова.

А потом все стихло, успокоилось. Это было так хорошо! Будто ничего и не было...



Есть в Тоскане места чуть менее хоженные: Масса Маритима, Тарквиния, Вольтерра, Сан-Джиминиано, Монтепульчано. Каждый из них заслуживает отдельного рассказа, но...

Тарквиния – один из этрусских городов, некрополи, некрополи, этрусский музей. Еще одна загадка цивилизации. Сам же городок – сонный, как и положено южному городку на холмах неподалеку от моря. Он словно выпал из времени уже давно и чувствует себя превосходно.

Масса Маритима – это, прежде всего, великолепный собор и не менее великолепный вид на равнину. Если повезет, то заход солнца не уступит карельским, но вместо сосен – Тоскана. А вот Вольтерра хороша своими стенами и алебастровым промыслом. И многим другим. Но алебастр заставляет вспомнить наш алебастр – из-под Перми, все эти точеные



игрушки из селенита – ну, что мешало расцвести второй Вольтерре? Что-то мешало... и мешает.

Сан-Джиминиано весь утыкан башнями не хуже горного Хевсурского села, и подозреваю, по схожим причинам. По городу ходят толпы туристов, и по-моему, все находят то, что хотят. Пьют вино, едят мороженое, смотрят на пасторальные виды сквозь уставшие от жизни бойницы.

Мне очень понравился Витербо. Он особенный, из монументального черного базальта – под стать своему названию, в котором так мало итальянского. Город этот был основан, как водится, этрусками, и немало сохранил загадочность этого народа. Рядом с Витербо находится совершенное место – Лаго де Вико, озеро Вико. Невозможно представить, что отсюда всего 50 км до Рима. Озеро это является заповедником, но остановиться там с палаткой вполне можно. Оно вулканическое, и сколько ни плыви от берега, дно все равно отчетливо видно. Кто плавал на Байкале, тому этот эффект знаком. Но Байкал где... да и вода в Вико теплее раза в два. Берега, поросшие грецким

орехом, очень красивы, и вся кальдера бесконечно гармонична. Там надо поехать дня три-четыре по окрестностям.

Вообще, в Италии с ее горным рельефом можно очень быстро убежать от цивилизации. Однажды, свернув с суматошного курортного шоссе в приморской Лигурии, мы оказались в горном раю, который называется Каррара. С вершин гор в ней текут белые реки мрамора. Издали кажется – ледник, подъезжаешь ближе – струится река кускового сахара, наколотого для трапезы гигантов. Глыбы белого мрамора искрятся на солнце, как искрится материковый лед, но почему-то не тают, а доползают потоком до настоящей реки и сливаются с ее быстрым течением. Кругом практически никого, только леса и горные луга с зарослями ежевики по краям. А до Генуи – всего километров сто, и до Флоренции немногим больше...



Была у нас такая сверхидея – доехать до Сицилии, переехать на остров, подняться на Этну, посмотреть, как выглядит легендарная колыбель мафиози сверху. Вообще, в Италии прилично людей с кустистой грудью и в кепках-аэродромах. В Москве сейчас южноитальянцу пришлось бы свой паспорт на груди повесить, как икону – иначе или заметут, или забодают бесконечной бдительностью. Но, к счастью, они в основном кучкуются не в Москве, а в Италии. В результате там срабатывает дурацкий закон членоразделения, и южная Италия – это, в общем, неизведанная земля на ниве европейского туризма, а североитальянцы считают, что граница между севером и югом проходит по порогу их квартиры. Естественно, нас тянуло на юг – в Калабрию, Сицилию, Базиликату.

Такова преамбула. А амбула состояла в том, что из-за разных обстоятельств нам не удалось уехать далеко на юг, хоть мы и готовились ради этого упереться, окрыситься, лечь на амбразуру, проехать 1000 км в ночь... Не получилось, и ладно. Иначе бы стали Павками Корчагиными и Александрами Матросовыми или, хуже того, Жаннами Д'Арк от автомобильного туризма. А кончили все они нехорошо.

Так вот, наша самая южная точка была Сорренто, точнее Амальфи. "...Вернись в Сорренто..." Но до этого мы прокатились по всему неаполитанскому побережью.

Тем, кто хочет пощупать Южную Италию и испытать что-то совершенно необыкновенное, стоит поехать вечером куда-нибудь в Неаполитанский пригород, ну, скажем, в Торре-Аннунциата. Желательно на машине. Все эти интеллигентские глупости про Помпеи, Геркуланум, Стабию как рукой снимет. Вождение там посильнее "Фауста" Гете будет. А запахи... Под Череповцом тоже был несвежий воздух, но не настолько же! Мы так и не поняли, где эта Аннунциата начинается, есть ли у нее конец и откуда в городе такой смрад – там, похоже, какой-то комбинат, но и то, что лежит на улице, тоже с душком. Ну, а народу... Все это шумит, орет, целуется, ест и, главное, движется на мопедах, мотороллерах, мокиках и прочих самокатах, причем им-то понятно, что происходит, а нам хотелось лишь найти выход из этого праздника жизни.

Правда, в Каире – круче, да и в Мехико, говорят, тоже, но там, в Каире, несмотря на броуновское движение транспорта, водители были слегка вялыми, а здесь – молодежь, живчик к живчику. За такими как раз ездят в Италию безумные американские девочки с рюкзаками – их там целые табуны, и у всех рано или поздно появляется какой-нибудь Джованни, который из всех слов на английском выучил "let's go make love", да и этого чересчур много и не нужно за очевидностью.



Но это – так, к слову. Я просто хотел сказать: тем, кто хочет почувствовать реальную жизнь южной Италии, надо съехать с автострады между Помпеями и Сорренто, а кто не хочет такого кайфа – напрямик в Сорренто, а уже оттуда, перебежками – по окрестностям, да на Капри, к Соколу и Буревестнику.

На Капри добраться несложно. Вопрос – нужно ли? Место очень красивое, природа – южного средиземноморья, бугенвиллии, опунции, гибискусы в изобилии, виды тоже роскошные, но туристы... Мы нырнули в море – так там ничего живого нет, с маской плавай – не плавай, ничего глаз не радует; в Лазурный грот – очередь. На острове – ни скамеек, ни туалетов, одни ослепительной красоты виды, ну, и жара... По горке вверх-вниз взбираются потные автобусы, мы вверх на таком проехали – обратно уже ехали кабриолетом, здоровье дороже. Не знаю, по-моему, Алексей Максимович мог найти место с климатом и получше, особенно за такие деньги.

Помпеи... Как писал Плиний старший Плинию младшему в недошедшем до нас письме, "возлюбленный мой город"... Наверное, когда-то он утопал в зелени. Сейчас очень жарко, и клочки тени лишь подчеркивают ее отсутствие. Ближе к стадиону появляются пинии и можно посидеть, выпить воды и полюбоваться видом подрагивающего в знойном воздухе Везувия.

*Понт шумит за черной изгородью пиний.,
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На рассышейся скамейке – старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.*

Все очень тихо и томно. Контраст между покоем руин и видением Брюллова – чрезмерный для обычного воображения. Камни кажутся настолько прочными и незыблемыми, что их дрожание равносильно пошатыванию мироздания.

Мы сидим, легкий ветерок и вода начинают охлаждать



если не душу, то хотя бы голову. Если Помпеи – это Гоморра античного мира, то оглядываться на него безопасно лишь по прошествии времени. Интересно, пришло уже это время или оно еще в пути...

Снова Бродский:

*Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной,
"Мы, оглядываясь, видим лишь руины".
Взгляд, конечно, варварский, но верный.*



*Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции, у моря.*

Впрочем, пессимизм всегда присущ руинам, даже если он рядится в маску элегии или ностальгии. В Помпеях веру в светлое будущее поддерживает Вилла Мистерий. Красный цвет фресок напряженный и волнующий, ну а эротические сюжеты льют бальзам на алтарь гедонизма и эпикурейства. Умели помпеянцы любить жизнь, и, похоже, это искусство слегка утрачено в веках. Жалко. Когда-то жизнь здесь играла сочными красками, и, насладившись ею сполна, можно было почувствовать себя спрятавшимся от реалий.

Помпеи неотделимы от Везувия. Вулкан из города кажется странным созданием, которое, в отличие от майн-ридовского всадника, лишено тела, но имеет самостоятельную голову. Во всем, конечно, виноваты жара и теплый серый южный воздух. Подобно армянскому Арарату, вершина Везувия зависла над землей и ленивым облаком плывет в небе. Она почти совершенна, но теперь, как Мона Лиза, доступна для настырного народа. Асфальт ведет почти на самый верх, затем минут 25-30 пеший подъем, потом платишь 9000 лир – и можно подойти к кратеру. Потухший вулкан притягивает и настораживает. Ведь это те самые камни, что погубили Помпеи, Геркуланум, Стабию. Но сейчас все спокойно, как в Багдаде... Слева от смотровой площадки находится сам кратер – место диковатое, в потоках лимонно-черной лавы. Кое-где немного сочатся фумаролы. Сзади – вулканический массив и лавовая долина, местами она уже заросла – почвы-то плодородные, все в желтой краске каких-то цветущих деревьев а-ля мимоза. Желтое на черно-красном – это что-то из немецких экспрессионистов.



Впереди, далеко внизу – Неаполитанский залив, невидимый за испарениями Неаполя. Но ближе к горизонту серо-голубая мгла отползает и солнцу удается отразиться в зеркале залива. Лучи как бешеные устремляются вверх и вязнут в дымке. Наблюдать за этим можно бесконечно.

Мы залезли на вершину – у Андрея как раз был день рождения – и выпили у кратера две бутылки Монтепулчано де Аbruццо. Судя по фотографиям, лица были более чем довольные, или это просто свет так лег... Вообще, обычай выпивать на вершинах гор, я думаю, такой же древний, как сама цивилизация – или еще древнее, но мы его открыли самостоятельно. Как Эдисон лампочку Ильича.



После Везувия мы проехали дорогу Позитано-Амальфи – она божественна! Там есть такое место – вид на Позитано, местечко, торгующее видом на себя – совсем не худший вид бизнеса, так вот, место – южной гармонии – море, сосны, горы, белый городок на склоне, а вокруг сушится на солнце красный злой перец. Главное – не въезжать ни в Позитано, ни в Амальфи – разве что на танке...

По мере того, как поездка (поход) отодвигается вдаль, все отчетливее непреодолимое желание остановить это движение или хотя бы сохранить его образ – чтобы повторить все опять, где-нибудь в другом или в том же (какая, в сущности, разница – где) месте.





